

Бакеева Римма Равилевна

**АНКЕТЫ-ЗАЯВЛЕНИЯ УЧЁНЫХ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

В статье анализируется один из делопроизводственных документов по истории заграничных командировок учёных и на основе данного архивного материала (анкеты-заявления) реконструируется история международного сотрудничества Казанского университета в 1930 году.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/4.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 20-23. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

масс стало ответной реакцией на политику военного коммунизма со стороны Советского государства, основанную на хлебной монополии, переросшей в чрезвычайную продовольственную диктатуру, продовольственной разверстке, милитарном характере организации труда, который проявился в тяжких для сельского населения трудовых повинностях. Первоначальные обещания Советского государства (Декрет о земле, Декрет о мире), породившие надежды и ожидания в крестьянской среде, сменились глубоким разочарованием и отчуждением от большевистской власти. В условиях политики военного коммунизма основная часть населения страны выражала противодействие политике Советского государства, вылившееся в массовые и длительные по времени крестьянские вооруженные восстания. Одной из главных причин, вызвавших протестное выступление крестьянства в России, являлось возмущение методами осуществления политики: продразвертками, мобилизациями, трудовыми повинностями.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 4.
2. Крестьянское движение в Поволжье: 1919-1922 гг.: документы и материалы. М., 2002.
3. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД: документы и материалы. М., 2000. Т. 1. 1918-1922.

PEASANT REVOLT WITHIN VOLGA REGION: "PITCHFORK UPRISING"

Petr Fedorovich Aleshkin, Ph. D. in History
All-Russian youth journal "Our Youth", Moscow
aleshkin@list.ru

The author discusses the general features and characteristics of peasant "pitchfork uprising" within Volga region in 1920 and substantiates that the uprising was the spontaneous peasant revolt caused by War Communism policy.

Key words and phrases: peasantry; power; revolt; uprising; War Communism policy.

УДК 930.1/2(093.2)

В статье анализируется один из делопроизводственных документов по истории заграничных командировок учёных и на основе данного архивного материала (анкеты-заявления) реконструируется история международного сотрудничества Казанского университета в 1930 году.

Ключевые слова и фразы: заграничные командировки; анкеты-заявления; советское время; Казанский университет; международное сотрудничество.

Римма Равилевна Бакеева

*Кафедра историографии и источниковедения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
rimmaravilevna.bakeeva@rambler.ru*

**АНКЕТЫ-ЗАЯВЛЕНИЯ УЧЁНЫХ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА[©]**

В Национальном архиве Республики Татарстан находится комплекс документов по истории Казанского университета. Часть из них, относящаяся к истории советского периода, находится в фонде Р-1337 «Казанский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина Министерства высшего и среднего специального образования СССР». Всего данный фонд содержит 23 425 единиц хранения за 1917-1990 гг. Среди них есть документы по истории международного сотрудничества университета: ходатайства, постановления факультетов, заявления преподавателей, прошение и представления Правления университета, отчёты о командировках, анкеты, заявления, планы заграничных поездок и т.д.

Одним из важных делопроизводственных источников по истории международного сотрудничества являются анкеты-заявления командируемых за границу, относящиеся к 1930 году. Данные документы находятся в описи № 82. Временные рамки: 8 июня 1930 г. – 23 июля 1930 г. («дополнения» к анкетам датируются 20 декабря 1930 г.). В анкетах помимо вопросов, касающихся личных данных отправляемого (ф.и.о., год и место рождения, занимаемая должность и специальность, место работы с 1917 г., размер месячного заработка), есть вопросы по самой командировке:

«Учреждение, по которому испрашивается командировка
(ВУЗ, Н-И, Институт, Музей и др.).

За чей счёт предполагается заграничная поездка:

- а) за счет НКПроса (указать просимую сумму);
- б) за счет другого ведомства или учреждения (указать отпускаемую сумму);
- в) за личный счёт (указать сумму, которой располагаете на поездку).

Срок командировки и время предполагаемого отъезда за границу.

Впервые ли отправляетесь в командировку за границу; если нет, то какие имели место предшествующие поездки и за чей счёт.

Место командировки (государство, города и учреждения, в которых предполагается работа).

Цель командировки (изложить подробно план и содержание предполагаемых работ за границей» [6, д. 21, л. 10, 10 об., 11, 14, 14 об., 15, 15 об., 21, 21 об., 22, 31, 31 об., 32, 32 об., 33, 33 об., 34, 36, 36 об.].

В НА РТ сохранились анкеты-заявления профессора физики и геофизики Всеволода Александровича Ульянина (Германия), старшего ассистента городской астрономической обсерватории Александра Дмитриевича Дубяго (Германия, Англия), директора Энгельгардтовской обсерватории Авенира Александровича Яковкина (Германия), профессора математики Николая Григорьевича Чеботарёва (Германия), исполняющего обязанности доцента при кафедре математики Бориса Михайловича Гагаева (Германия), профессора кафедры зоологии беспозвоночных Николая Александровича Ливанова (Германия), исполняющего обязанности ассистента городской астрономической обсерватории Дмитрия Яковлевича Мартынова (Германия, Голландия, Франция), доцента кафедры микробиологии и физиологии растений Алексея Петровича Пономарёва (Германия, Дания). Итак, всего 8 анкет, относящихся к данному периоду. Все вопросы в анкетах напечатаны на машинке, ответы записаны самими учёными от руки.

Во всех анкетах отправляемый указывал, что поездку будет оплачивать Наркомпрос. В документах указываются различные суммы, выделяемые данным ведомством для командировок. К примеру, 400 рублей (Н. Г. Чеботарев), 500 рублей (В. А. Ульянин), 600 рублей (Н. А. Ливанов), 600 рублей от Наркомпроса (Д. Я. Мартынов); 1500 рублей валютой (А. Д. Дубяго, А. А. Яковкин), 1200 рублей (Б. М. Гагаев). В анкете-заявлении А. П. Пономарёва сумма совсем не указана. Кроме того, у двух ученых – Н. А. Ливанова, Д. Я. Мартынова – указаны и свои сбережения (300 рублей).

Помимо этого, из анкет можно узнать размер месячного заработка учёных: у А. Д. Дубяго – 170 рублей + 34 рубля 66 копеек (временно), у А. П. Пономарёва – 600 рублей, у Н. А. Ливанова – по университету 300 рублей, а по вузам – 500 рублей, у Д. Я. Мартынова – 300 рублей, у Б. М. Гагаева – 262 рубля 50 копеек, у А. А. Яковкина – 307 рублей + 80 рублей (временно), у Н. Г. Чеботарёва – 240 рублей, у В. А. Ульянина – 425 рублей «с нагрузкой без вычетов (подходящий налог, членский взнос в союз, в секцию научных работников и пр.), доходящих в совокупности до 50 рублей в месяц» [5, д. 78, л. 6 об.]. Как известно, с 1 января 1927 г. были введены должностные оклады, и зарплата преподавателей постепенно росла (например, на 11% у профессоров и на 17% у других категорий научных работников в 1927 г. по сравнению с предыдущим годом). Однако материальное положение ученых оставалось тяжёлым. В 1932 г. профессор А. А. Яковкин на расширенном заседании пленума парткома университета заявил: «Я – нищий, мне не хватает денег на обед» [4, с. 319].

В анкетах указаны различные сроки командировок, которые зависели от целей командируемых. Рассмотрим, какие указаны цели, и какие сроки были необходимы казанским учёным. А. Д. Дубяго для «усовершенствования в высшей геодезии и астрономии» необходимо было 6 месяцев (с 1 сентября 1930 г.). А. П. Пономарёву для продолжения работ по физиологии семян растений во время посадки и сбора урожая – осенний/весенний семестр 1930-1931 учебного года, 4-6 месяцев. Н. А. Ливанову для переработки учения о ткани основного вещества – 5 месяцев (с 1 января по 1 июня 1931 года). Д. Я. Мартынову для изучения астрономических дисциплин во Франции и Голландии нужно было 6 месяцев (уезжал в марте 1931 года). Б. М. Гагаеву также нужно было полгода для знакомства с Берлинским институтом и некоторыми разделами математической физики (отъезд в сентябре 1930 г.). А. А. Яковкин планировал достичь нескольких целей, одной из которых являлось изучение астрофотометрических работ в зарубежных организациях (полгода, дата отъезда: 1 апреля 1931 года). Математик Н. Г. Чеботарёв ехал на международный съезд на 2-3 недели, где планировал прочитать свой доклад и прослушать выступления коллег, также проконсультироваться с зарубежными учёными по некоторым вопросам (к 4 сентября 1930 г. предполагал быть в Кеннигсберге). В. А. Ульянин ехал почти на полтора месяца – с 1 сентября по 10 октября 1930 года, ему нужно было посетить съезд физиков, Конгресс немецких естествоиспытателей и врачей, проконсультироваться с зарубежными специалистами, привести аппаратуру для обсерватории и достичь многих других целей. Таким образом, самый небольшой срок пребывания за границей (2-3 недели) – у Н. Г. Чеботарёва, а самый продолжительный (6 месяцев) – у трёх учёных (А. Д. Дубяго, Д. Я. Мартынов, Б. М. Гагаев).

По целям, которые ставили перед собой казанские учёные, можно просматривать основные направления научной деятельности университета. Тем более что представленные анкеты относятся к учёным разных научных сфер, таких как астрономия, математика, биология и другие.

Например, профессор физики и геофизики В. А. Ульянин в научных командировках был и до революции, последний раз – в 1913 году, а при Советской власти – в 1927 году на Международном Геофизическом конгрессе в Праге и Съезде физиков в Киссингене [1]. В данной поездке в Германию (Кеннигсберг) его интересовало участие в Съезде физиков (4-7 сентября), созываемом Германским физическим обществом, членом которого он являлся. Также учёный планировал участие в Конгрессе германских естествоиспытателей и врачей (7-11 сентября), а в Берлине – посещение Физического института Университета, Прусского метеорологического

института и физико-технического государственного учреждения. Кроме этого, в Потсдаме – работа в магнитной обсерватории, а в Мюнхене – осмотр Государственного Музея науки и техники. В Потсдамской магнитной обсерватории работа заключалась в следующем: посредством своего переносного электрического магнетометра произвести точное сравнение с Потсдамским стандартным магнетометром приборов Казанской магнитной обсерватории, связанных с Американским стандартом и со Слуцкими нормальными приборами. На эту работу выделялось 10-12 дней. Он пишет: «Для этой цели мне необходимо получить разрешение на беспрепятственный вывоз и обратный ввоз упомянутого электрического магнетометра моей конструкции, принадлежащего Казанской магнитной обсерватории, в Берлинской *Physikalisch-Technische Reichsanstalt* я намерен проверить нормальные элементы, которые употребляются в моём электрическом магнетометре» [5, д. 78, л. 7]. Поездку предполагалось дополнить встречами со специалистами для обмена мнений относительно дооборудования Физического института и Геофизической обсерватории «в смысле приобретения приборов по новым вопросам физики и геофизики, нужных как для преподавания, так и для научно-исследовательской работы» [Там же]. И ещё небольшое дополнение: на съезд и конгресс у В. А. Ульянина были персональные приглашения на иностранных языках. Данные приглашения в 20-е гг. ещё играли небольшую роль, но со временем перестали иметь значение для органов, осуществляющих отправку за границу [3].

Целью командировки старшего ассистента городской астрономической обсерватории А. Д. Дубяго в Германию и Англию являлось «усовершенствование в высшей геодезии и астрономии». По геодезии он планировал изучать теорию фигуры земли в Кембридже (Англия) у профессора Джеффриса. Данная теория, по его словам, «играет существенную роль при окончательной обработке гравитационных наблюдений, в столь широких размерах производящихся теперь у нас. Но в СССР не имеется специалистов по этому вопросу, который в работах Кембриджской школы получил наивысшее развитие» [6, д. 21, л. 92].

Кроме того, учёный хотел ознакомиться в Геодезическом институте в Потсдаме (Германия) с новейшими гравиметрическими инструментами. Что касается астрономии, то в ней планировалось и «изучать одну из актуальнейших тем астрофизики, но мало затронутую в СССР – фотоэлектрическую фотометрию и спектрофотометрию, в обсерватории в Берлине – Бабельсберге (Германия) и в Кембриджской Обсерватории в Англии, где ведется ряд работ по этому вопросу» [Там же, л. 109, 109 об., 110].

Так как планировалась полугодовая поездка, то можно было ещё посетить проездом различные учреждения: в Германии – Астрономическую обсерваторию в Потсдаме (спектрофотометрия), вычислительный институт в Берлине (малые планеты) и Гамбургскую обсерваторию в Бергедорфе (позиционная фотография). В Англии Гринвичскую обсерваторию (служба времени и фотографическая служба широты) и обсерваторию в Эдинбурге (фотоэлектрическая спектрофотометрия). Время поездки – 6 месяцев – представлялось в следующих временных рамках: в Германии (Бабельсберг и Потсдам) – 2,5 месяца, 1/2 месяца – Гамбург, переезд в Англию и Гринвич, в Англии (Кембридж, Эдинбург) – 3 месяца.

Директор Энгельгардтовской обсерватории А. А. Яковкин ехал в Германию также на полгода. Цели своей поездки он сформулировал следующим образом: «1) Изучить методы работы на электрофотометре (4 месяца в *Babelsb.*); 2) ознакомиться с практикой гелиометрических наблюдений в *Gottingene* (1 мес.); 3) ознакомиться с постановкой астрофотометрических работ в связи с намеченным развитием таких же работ в Энгельгардтовской обсерватории; 4) собрать материалы для окончания работы о (неразборчиво) Луны» [Там же, л. 10].

Профессор математики Н. Г. Чеботарёв в Германии предполагал на съезде ознакомиться с докладами: «...может быть, прочту свой доклад (по резольвентам с наим. числом параметров или по полям классов)». Планировались встречи с зарубежными коллегами: «...посоветоваться с проф. И. Шуром относительно представления непрерывных групп... побеседовать с проф. Артином о работах общего с ним направления» [Там же, л. 15].

Другого математика – Б. М. Гагаева, исполняющего обязанности доцента, в Германии интересовал институт прикладной математики в Берлине, в котором он предполагал «ознакомиться с организацией института и приложения методов приближенного решения интегральных уравнений и дифференциальных уравнений математической физики к решению различных проблем физики и техники» [Там же, л. 22]. Кроме этого, планировалось работать в Берлине под руководством Бибербаха в области теории функции комплексного переменного.

Профессора кафедры зоологии беспозвоночных Н. А. Ливанова (Германия) интересовала в немецких университетах и институтах зоологии и анатомии переработка учения о ткани основного вещества, опубликованного им в 1914 году.

Исполняющий обязанности ассистента городской астрономической обсерватории Д. Я. Мартынов хотел изучить области, в которых он уже работал. В Германии – это работы по исследованию переменных фотографическим и фотоэлектрическим путём, во Франции и Голландии – по спектрофотометрии Солнца [Там же, л. 111, 111 об., 112].

Доцента кафедры микробиологии и физиологии растений А. П. Пономарёва (Германия, Дания) интересовало продолжение работ по физиологии семян сельскохозяйственных растений и древесных пород и работ по физиологии сероводородных организмов.

На заседании Директората Казанского государственного университета 9 июня 1930 г. (с пометкой «не подлежит оглашению») было принято решение «возбудить ходатайство о посылке за границу следующие кандидатуры» [Там же, л. 1], и далее шло перечисление всех названных выше лиц. 3 января 1931 г. в Комиссию по заграничным командировкам было направлено спешной почтой ходатайство с подробным описанием каждой необходимой командировки. Упор делался именно на научные изыскания, так как в Постановлении

Президиума Коллегии Наркомпроса от 24 марта 1925 г. «О порядке заграничных командировок» указывалось: «5. При рассмотрении заявок на заграничные командировки исходить из общего правила, что заграничные командировки представляются лишь в случаях, когда использованы все возможности научной работы и усовершенствования в научно-исследовательских учреждениях СССР. 6. Заграничные командировки выдаются для ведения или окончания научных работ и для усовершенствования по специальности, а отнюдь не для поездок с целью ознакомления с состоянием той или иной области науки за границей» [2, с. 6-7].

Рубеж 20-х - 30-х гг. является переломным во всех областях жизни советского общества. Сфера международного научного сотрудничества в эти годы, исходя из идеологических предпосылок, была практически свёрнута. Несмотря на сложные условия, учёные оформляли документы и пытались выехать в зарубежные вузы и исследовательские центры для получения научного материала. К документам этого периода относятся анкеты-заявления, содержащие перечень вопросов по планируемым командировкам. Среди этих вопросов следующие: как будет осуществляться финансирование поездок, какие цели, сроки, научные направления командировок, какие страны, учебные заведения планируется посетить. Таким образом, исследование данных анкет-заявлений позволяет изучить некоторые особенности международного научного сотрудничества ученых Казанского университета на рубеже 20-х - 30-х гг. XX века.

Список литературы

1. **Альтшулер Н. С., Ларионов А. Л.** Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х гг. XX века: история развития и научные достижения выпускников. Казань: Изд-во Казанского университета, 2002. 149 с.
2. **Еженедельник Народного Комиссариата Просвещения.** 1925. № 16 (66). 76 с.
3. **Жидкова А. А.** Международные научные связи в первой трети XX в.: деятельность в СССР зарубежных филантропических фондов в 1920-е – начале 1930-х гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М.: РГБ, 2003. 247 с.
4. **История Казанского университета.** Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 656 с.
5. **Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ).** Ф. Р-1337. Оп. 3.
6. **НАРТ.** Ф. Р-1337. Оп. 82.

KAZAN' UNIVERSITY SCIENTISTS' APPLICATION FORMS AS THE SOURCE OF INTERNATIONAL COLLABORATION HISTORY

Rimma Ravilevna Bakeeva

*Department of Historiography and Source Studies
Kazan' (Volga Region) Federal University
rimmaravilevna.bakeeva@rambler.ru*

The author analyzes one of the records management documents on scientists' foreign trips history and reconstructs the history of the international collaboration of Kazan' University in 1930 by archival material (application forms).

Key words and phrases: foreign trip; application forms; soviet period; Kazan' University; international collaboration.

УДК 34.01

Статья раскрывает содержание понятия «иджтихад» и формирование данного института со времен пророка Мухаммада. Основное внимание в работе автор концентрирует на возможности рассмотрения понятия «иджтихад» с трех разных сторон: как источник мусульманского права; как процесс развития мусульманского права, процесс толкования норм шариата, основа для возникновения иных источников права; как «авторитет» ученого-правоведа.

Ключевые слова и фразы: мусульманское право; иджтихад (ал-иджтихад); шариат; рай; мазхаб; таклид; кийас (ал-кийас).

Айна Тамерлановна Бекова

*Кафедра теории и истории государства и права
Кубанский государственный университет
777ainabekova777@mail.ru*

ИДЖТИХАД КАК ИНСТИТУТ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА[©]

Слово «иджтихад» образовано от корня арабского глагола «джаха-да», означающего «предпринимать усилия, старания» или «обладать способностью осуществлять определенную деятельность». Производное отглагольное имя «иджтихад» означает «усердствование». В шариатском праве это слово первоначально